

Н.Н. Наседкин

## Аделаида

АДЕЛАИДА Ивановна Епанчина — персонаж романа Ф.М. Достоевского «Идиот», средняя, 23-летняя, дочь генерала Ивана Федоровича Епанчина и его супруги Елизаветы Прокофьевны, сестра Александры и Аглаи. О генеральских дочерях сказано, что они «были только Епанчины, но по матери роду княжеского, с приданным не малым, с родителем, претендующим впоследствии, может быть, и на очень высокое место и, что тоже довольно важно, — все три были замечательно хороши собой <...> В обществе они не только не любили выставляться, но даже были слишком скромны. Никто не мог их упрекнуть в высокомерии и заносчивости, а между тем знали, что они горды и цену себе понимают. Старшая была музыкантша, средняя была замечательный живописец; но об этом почти никто не знал многие годы, и обнаружилось это только в самое последнее время, да и то нечаянно. Одним словом, про них говорилось чрезвычайно много похвального. Но были и недоброжелатели. С ужасом говорилось о том, сколько книг они прочитали. Замуж они не торопились; известным кругом общества хотя и дорожили, но все же не очень. Это тем более было замечательно, что все знали направление, характер, цели и желания их родителя...»

И еще повествователь с добродушной иронией добавляет: «Все три девицы Епанчины были барышни здоровые, цветущие, рослые, с удивительными плечами, с мощною грудью, с сильными, почти как у мужчин, руками, и конечно, вследствие своей силы и здоровья, любили иногда хорошо покушать, чего вовсе не желали скрывать. Маменька их, генеральша Лизавета Прокофьевна, иногда косилась на откровенность их аппетита, но так как иные мнения ее, несмотря на всю наружную почтительность, с которою принимались дочерьми, в сущности давно уже потеряли первоначальный и бесспорный авторитет между ними, и до такой степени, что установившийся согласный конклав трех девиц сплошь да рядом начинал пересиливать, то и генеральша, в видах собственного достоинства, нашла удобнее не спорить и уступать...»

Впрочем, о художническом таланте средней дочери мать князю Мышкину в раздраженную минуту откровенно говорит: «Аделаида — пейзажи и портреты пишет (и ничего кончить не может)...» Сам князь, характеризуя при первом знакомстве по очереди сестер Епанчиных, о средней говорит: «У вас, Аделаида Ивановна, счастливое лицо, из всех трех лиц самое симпатичное. Кроме того, что вы очень хороши собой, на вас смотришь и говоришь: «У ней лицо, как у доброй сестры». Вы подходите спроста и весело, но и сердце умеете скоро узнать...»

Тот же князь и в тот же первый визит в дом Епанчиных «дарит» Аделаиде (которая копирует пейзажи с эстампов!) сюжет для картины: «нарисовать лицо приговоренного за минуту до удара гильотины, когда еще он на эшафоте стоит, пред тем как лечь на эту доску...»

Судьба Аделаиды Епанчиной, в отличие от сестер, складывается счастливо: к ней посватался блестящий князь Щ., за которого она вскоре и вышла замуж без всяких эксцессов. Мать-генеральша довольна: «Наконец вошло было солнце и для ее материнского сердца; хоть одна дочь, хоть Аделаида будет наконец пристроена: «Хоть одну с плеч долой», — говорила Лизавета Прокофьевна, когда приходилось выражаться вслух (про себя она выражалась несравненно нежнее). И как хорошо, и как прилично обделалось все дело; даже в свете с почтением заговорили. Человек известный, князь, с состоянием, человек хороший и ко всему тому пришелся ей по сердцу, чего уж, кажется, лучше? Но за Аделаиду она и прежде боялась менее, чем за других дочерей, хотя артистические ее наклонности и очень иногда смущали непрерывно сомневающееся сердце Лизаветы Прокофьевны. «Зато характер веселый, и при этом много благоразумия, — не пропадет,

---

стало быть, девка», – утешалась она в конце концов...» В финале романа сообщается, что, по мнению Евгения Павловича Радомского, князь Щ. и Аделаида, путешествующие вместе с остальными Епанчиными по Европе, «еще не совершенно сошлись друг с другом; но в будущем казалось неминуемым совершенно добровольное и сердечное подчинение пылкой Аделаиды уму и опыту князя Щ.»